

УДК 821.112.2-3.09(045)

*М.Г. Алексеева, В.А. Фролова***ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОППОЗИЦИОННОЙ СИСТЕМЕ «СВОЙ-ЧУЖОЙ»
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА ГЮНТЕРА ДЕ БРОЙНА «РЕНАТА»)**

В статье представлены результаты исследования взаимоотношений противочленов оппозиции «свой» vs. «чужой». Объектом изучения является основополагающее противопоставление межкультурной коммуникации «свой» vs. «чужой» на примере рассказа Г. де Бройна «Рената». С помощью анализа теоретических источников, метода сплошной выборки и лингвистического анализа контекстуальных блоков рассказа предпринимается попытка раскрытия динамичного характера оппозиции «свой» vs. «чужой», обусловленного рядом объективных и субъективных факторов. В исследовании предлагается также ввести в изучаемую оппозицию дополнительные элементы, позволяющие дифференцировать актуализацию описываемой оппозиции в конкретном художественном тексте.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, динамика в оппозиции «свой» vs. «чужой», рассказ Гюнтера де Бройна «Рената».

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-403-409

Оппозиция «свой» vs. «чужой» является многоаспектным образованием, изучающимся в самых разных гуманитарных исследованиях. Данная оппозиция служит, например, способом самоопределения той или иной идеологии – «объединение со своими» vs. «противопоставление чужим» является глубинным критерием разделения идеологий. Наличие «другого», антипода рассматривается как важное условие развития идеологии, а вместе с тем и общества [7, с. 60, 64]. Образы «чужого», «другого» в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны или эпохи являются также ядром имагологических исследований в художественной литературе [9, с. 251]. Именно образы «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта, являются предметом изучения имагологии [10, с. 31].

Противопоставление «своего» и «чужого» выступает как основообразующий элемент межкультурной коммуникации. Вопросу формирования необходимых межкультурных компетенций (см. подробнее о соотношении понятий компетентности и компетенций [4, с. 78]) посвящены многие научные труды. Показателем качества подготовки обучаемых признается наличие такого ресурса личности студента, который обеспечил бы возможность его полноценного участия в межкультурной коммуникации в самых разных сферах, например, в сфере иноязычного образования [5, с. 168–186; 8, с. 205]. Традиционные методы и приемы, применяемые для формирования межкультурной компетентности студентов, дополняются инновационными методами, включающими информационно-коммуникационные технологии, позволяющие внести элемент новизны в стандартное взаимодействие системы «студент – преподаватель»; обновить и расширить содержание обучения межкультурной компетентности [2, с. 137; 6, с. 81; 11]. Активно внедряются и креативные платформы (или практики), которые обеспечивают участие обучаемых в деятельности различных ассоциаций, общественных организаций, имеющих своей задачей, в том числе, поддержку и развитие межкультурного диалога [1, с. 325]. Из театральной педагогики заимствуются новые креативные методики, например, сценарная методика, выступающая как средство развития межкультурных иноязычных навыков студентов-лингвистов, средство, позволяющее минимизировать риск возникновения конфликтных ситуаций [3, с. 74]. Межкультурный профессиональный дискурс может рассматриваться также в тесной взаимосвязи с внутренней ментальной деятельностью. Соответственно этому, концептуально-категориальный подход к формированию межкультурной компетентности, то есть сопоставительное изучение концептов и категорий родного и иностранного языков является оправданным и актуальным, позволяет снизить риски коммуникативных сбоев [12, с. 243]. Изучение основного противопоставления в межкультурной коммуникации – оппозиции «свой» vs. «чужой» – способствует успешному формированию межкультурной аффективной компетенции (чувствительности) (см. подробнее об аффективной компетенции [3, с. 76]).

В работах по межкультурной коммуникации концепты «свой» vs. «чужой», зоны их пересечения и расхождения являются предметом исследования многих лингвистов [14, с. 101–103; 15; 16]. В данном исследовании мы хотели бы заострить внимание на внутрисистемных отношениях двух

противочленов и выбрали в качестве иллюстративного материала небольшой рассказ немецкоязычного автора Гюнтера де Бройна «Рената», в котором оппозиция «свой» vs. «чужой» представлена довольно выпукло. Цель нашего исследования заключается в раскрытии на примере этого художественного произведения динамичного характера противочленов оппозиции «свой vs. «чужой», в демонстрации их движения по оси в сторону сближения и в сторону максимального расхождения и размытости границ. Опираясь на анализ содержания текста, мы предполагаем также, что бинарная система «свой» vs. «чужой» нуждается во введении дополнительных элементов, например, «свой чужой» vs. «чужой чужой». К задачам исследования относится также выявление факторов, вызывающих динамические процессы и флуктуации на оси «свой» vs. «чужой»; установление значимости географических локаций для этих динамических процессов; определение важности языка и языковой политики для трансформационных процессов в изучаемой оппозиции.

Несмотря на небольшой объем, рассказ «Рената» насыщен как событиями, так и участниками действия. В тексте рассказа можно выделить три основных и два периферийных содержательных блока. В основную группу входит, во-первых, описание мыслей и чувств главной героини Ренаты (польки по происхождению), во-вторых, описание переживаний Михаэля (немца из западной части Германии), в-третьих, совокупность «других», встретившихся и взаимодействующих с главными героями на протяжении рассказа. Это и значимые лица, например, родители, друзья и возлюбленные главных героев, а также кажущиеся случайными персонажи, например, американские туристки, водитель такси, официант, кондуктор трамвая и другие, которые, однако, вносят существенный вклад в обеспечение флуктуационных процессов в системе «свой» vs. «чужой». В периферийный содержательный блок можно включить географические и лингвистические маркеры.

Анализ изучаемой оппозиции мы начнем с рассмотрения представлений Ренаты о «своем» и «чужом». Помимо симпатии к случайному попутчику в поезде Михаэлю Рената испытывает самые противоречивые чувства. Они, с одной стороны, стирают различия между «своим» и «чужим», с другой стороны, делают «чужое» еще более чуждым. Молодые люди быстро сближаются, Ренату не оставляет ощущение давнего знакомства с Михаэлем, тем более, что он не похож внешне на типичного немца: 1) ... aber ich hörte nur halb hin, weil ich ihn immer ansah dabei und mich wunderte, wie vertraut mir sein Gesicht schon war [13, с. 50]; 2) Wenn ich damals schon gewusst hätte, dass er Ausländer war, wäre mir nie der Gedanke gekommen, dass er ein Deutscher sein könnte. ... Ich selbst habe schon oft hören müssen, dass ich aussähe wie eine Deutsche, ... [13, с. 36]. Сближение молодых людей достигает такой степени интенсивности, что девушка испытывает отчуждение от самой себя: ... da wurde ich mir selbst plötzlich fremd; da erschien es mir völlig unglaubwürdig, dass ich das Mädchen aus dem Katowicer Zug sein sollte, das Angst gehabt hatte, nicht zu gefallen, das rot geworden war, als ein junger Mann es ansprach, und das sich dann für abends im Cafe verabredet hatte [13, с. 46]. Влюбленность молодых людей как субъективный фактор нивелирует на время оппозицию «свой» vs. «чужой». Однако тяжелые воспоминания Ренаты о немецкой оккупации в годы Второй мировой войны, мысли об отце, страдавшем в немецком плену, усиливают нетерпимость к «чужому»: Er ist ein Deutscher, und ich erschrak dabei, weil ich an Papa dachte und an die Zeit der Okkupation. Das ist nun einmal so: Die Gedankenverbindung zwischen Deutschland und Wehrmacht ist so eng wie zwischen Krieg und Tod [13, с. 37]. Рената чувствует ужас при звуках немецкой речи, имя попутчика вызывает чувство отторжения: ... und ich war, glaube ich, trotz des Schreckens darüber, dass er Deutsch sprach, froh, dass so der Anfang gemacht war [13, с. 38]. Für einen Augenblick war der Abgrund, der so schnell zwischen Deutschen und Polen aufreißt, wieder da, als er seinen Namen nannte [13, с. 51]. Здесь можно проследить, какими именно лексическими единицами выражается чувство разобщенности: Abgrund reißt auf; harter Blick, kaltes Gesicht; etwas klingt fremd, drohend; jemand schreckt zurück; etwas steht zwischen jemandem, was nicht so schnell zu überwinden sein würde [13, с. 51, 56, 38]. Особого внимания заслуживают воспоминания Ренаты о детстве, о времени после унижительного присоединения Польши к фашистской Германии. Именно Михаэль и его семья, как оказалось, и были основными действующими лицами в те далекие годы. Судьбы отцов Ренаты и Михаэля – смерть одного и арест другого – переплетаются, во взаимную ненависть втягиваются и их дети. Все кажется маленькой Ренате чужим в соседском мальчике-немце, когда она слышит от него площадную брань, обидные, повторяемые вслед за взрослыми ругательства: Nie werde ich vergessen können, wie sich plötzlich, als ich am Zaun war, der Gesichtsausdruck des deutschen Jungen änderte, wie aus dem Lachen plötzlich ein hässliches, gemeines Grinsen wurde, wie die schönen großen Augen sich zusammensogen zu schmalen Schlitzten und der freundschaftlich vorgestreckte Arm mit jähem Ruck hochschnellte. Und dann schrie er mir mit verzerrtem Mund ein gemeines,

schmutziges Schimpfwort zu. Ich verstand das [13, с. 62]. Михаэль тоже помнит эти события из прошлого, помнит все подробности, даже «послевкусие» своих бранных слов: Ich hätte ihr sagen können, welche Farbe das Bonbonpapier hatte, was für ein Kleidchen sie trug, welchen Ausdruck ihre Augen annahmen, als sie das Schimpfwort hörte. Ich hätte ihr auch sagen können, wie mir zumute war, als ich mir vornahm, vor den anderen Jungen zu glänzen, wie es mich würgte im Hals, ehe das Wort heraus war, und wie lange es dauerte, ehe der eklige Geschmack im Munde verging [13, с. 63]. Михаэль закликает Ренату забыть прошлое, предать его обоюдному забвению. Здесь следует обратить внимание на то, что на протяжении всего хода повествования Михаэль повторяет слова, оправдывающие прошлое, дающие надежду на совместное счастье молодых людей, слова о невозможности отвечать за исторические события и за поступки родителей: 1) Ich war ein Kind damals und Sie auch [13, с. 52]; 2) Du tust mir bestimmt unrecht, Renia. Ich war ein Kind damals [13, с. 56]; 3) Ich war ein Kind damals, jetzt ist alles anders [13, с. 64]. Но Рената полагает, что избегание разговора о перенесенной душевной травме, стремление находить окольные пути и оправдания – не решение проблемы.

Для Михаэля «свое» и «чужое» также находится в дисбалансе: молодой человек испытывает резко отрицательные чувства к «своему», боится, что дома ему не поверят, не поймут его чувств: Man wird es mir nicht glauben, wenn ich es zu Hause erzähle. Ist es nicht furchtbar? [13, с. 40]. Особого внимания заслуживает вопрос, как выражается отрицание Михаэлем части «своего», части своей принадлежности к немецкой нации во время его пребывания в Польше: это и иррациональный обжигающий стыд, и страх, и угрызения совести: Scheu, schlechtes Gewissen, Scham, kein vernünftiger Grund für Scham, die Scham brennt [13, с. 30, 39]. Осматривая послевоенный Краков, Михаэль пытается отыскать причину чувства стыда, вины перед поляками и, кажется, находит ее в своем непротавлении злу, в своем сегодняшнем отношении к прошлому: Was die Ursache meines Schuldgefühls vielleicht, dass ich nichts dagegen unternahm? Aber sollte ich, gerade ich, dagegen aufstehen und alles mühsam Erworbene aufs Spiel setzen? [13, с. 44]. Работая учителем начальной школы, Михаэль ограничивается в изложении учебного материала полуправдой, придерживается лишь учебной программы, не учитывает геополитических вызовов новейшей истории: „Ich bin Lehrer in Westberlin“, sagte er, ... “und ich erzähle den Kindern jedes Jahr, wenn es der Lehrplan vorschreibt, von den ehemaligen deutschen Ostgebieten, nicht mit Hass, nicht mit Heimweh, ganz objektiv, Zahlen, Daten. Ist das ein Grund zur Scham?“ ... “Vielleicht ist das, was Sie objektiv nennen, nur die halbe Wahrheit, weil keine Zusammenhänge erkennbar werden?“ [13, с. 40]. Встреча с Ренатой переворачивает всю устоявшуюся жизнь Михаэля, он строит планы на то, как найдет единомышленников в своей стране, как донесет свою позицию матери, директору школы и коллегам, как около политической карты Европы он расскажет наконец всю правду ученикам, как приблизится вновь к «своему», не стыдясь его.

Вместе с отрицанием «своего» Михаэль одновременно ощущает и странное притяжение к «чужому», причем одно «чужое» кажется ему родным, другое «чужое» становится еще более чуждым, чем до знакомства с Ренатой. Чужой польский город, город Ренаты, становится своим для Михаэля, для него девушка олицетворяет не только Краков, но и всю Польшу: Alles, was ich sah, nahm ich mit hellwachen Sinnen in mich auf. Aber jeder Eindruck war durchwoben mit Gedanken an Renata, deren Namen ich noch nicht kannte. ... und in allem war Renata, die hier lebte und ein Teil von alledem war [13, с. 42]. Allem Polnischen fühlte ich mich verbunden, seitdem ich Renata kannte [13, с. 43]. Immer, wenn ich an Polen denken oder von Polen hören werde, werde ich von dir hören, werde ich an dich denken! [13, с. 55]. В дифференциации степени «чуждости» для Михаэля имеет значение не только субъективная симпатия к Ренате, особую роль играют «другие» персонажи – третий содержательный блок. Сразу после прибытия в Краков Михаэль сталкивается в старинной церкви, главной достопримечательности Кракова, с местными жителями и шумными американскими туристами. Именно в этот момент Михаэль начинает различать «своих чужих» и «чужих чужих». Анализируя этот эпизод, можно выделить лексемы, несущие в себе заряд отрицательной оценки: ein Schwarm laut schnatternder Amerikanerinnen; alte, geschmacklos gekleidete Damen mit spitzen Mausgesichtern; teure Fotoapparate um die dünnen, sehnigen Hälse; sie knipsten ... Frauen in großen Umschlagetüchern; ... ich schämte mich für sie; ... waren sie mir fremder als die betenden Frauen [13, с. 42–43]. Михаэлю очень нравится водитель такси, отпускающий шутки по-польски, и он искренне огорчается, заметив, как меняется тон поляка на официально-вежливый, когда последний обнаруживает в Михаэле немца. Модификации «чужого» в «своего» здесь не происходит, хотя таксист понимает разницу между немцами и фашистами [13, с. 43]. Молодая девушка-кондуктор, увлеченно объясняющая Михаэлю план застройки Новой Хуты, делится с ним своей радостью, гордостью, напоминает юноше Ренату и становится благодаря переживанию «сорадости» для Михаэля «своей» [13, с. 45]. Чем ближе оказываются Михаэлю незнакомые поляки, например, кельнер в танцевальном

баре, посетители бара [13, с. 53–55], тем более он дистанцируется от «своих». Примечательна сцена вообразаемого разговора Михаэля и Утты, его возлюбленной, значимой «другой». Этот разговор перерастает в крупную ссору. Ряд языковых средств сигнализируют о принципиальном несогласии молодых людей друг с другом, реплики Утты проникнуты резко отрицательной оценкой поступков Михаэля: ... ein ganz sentimentaler Bursche; ... eine Verbindung zu deinen jetzigen unsinnigen Handlungen sehe ich einfach nicht; wenn du profitieren willst von der Gesellschaft, in der du lebst, musst du ihre Tabus anerkennen. ... Aber warum fühlst du dich plötzlich verantwortlich für das, was hier gemacht wird? ... Du bist in einem Tag Kommunist geworden! ... Mach, was du willst, aber ohne mich! [13, с. 62–63].

В то время, как «другие» сближают Михаэля с «чужим», «другие» из окружения Ренаты всеми силами стараются удержать девушку от сближения с «чужим». Речь идет, прежде всего, о подруге Рут и ее брате Стефане, родители которых, как и многие евреи, пострадали от рук фашистов в концентрационном лагере Аушвиц. В языковом отношении негативные чувства Рут к «чужому немцу» выражаются целым спектром лексических единиц: Skepsis, die ... kränkte; etwas vorsichtig sagen; schwere Verständigung [13, с. 47]. Рут открыто сомневается в возможности совместного будущего для молодых людей: Aber gibt es ein Später in eurem Fall? Was soll daraus werden? Ein kleines Abenteuer? [13, с. 47]. Рената пытается сопротивляться холодной логике и цинизму Рут. Испытывая внезапную ненависть к Рут, Рената отторгает «свое», не желает, чтобы близкие «другие» обесценивали ее чувства к «чужому немцу». Свою лепту в оценку намерений Михаэля вносит и влюбленный в Ренату Стефан: Der Mann ist nur auf der Durchreise, verstehst du? Männer auf Reisen wollen etwas erleben. Ein Abend mit einem hübschen Mädchen wird schöner, je unverbindlicher er ist, verstehst du mich? Es wäre zu traurig – für dich und für mich! [13, с. 49]. Вторя своей сестре, Стефан призывает Ренату не поддаваться своим чувствам, быть «разумной» [13, с. 48]. Рената ценит заботу друзей, понимает их беспокойство, но, тем не менее, не отказывается от запланированного на вечер свидания с Михаэлем в кафе Кракова [13, с. 49].

Географические маркеры, города, где разворачиваются события, выступают как значимые факторы, вызывающие динамические процессы на оси «свой» vs. «чужой». Все локации в рассказе выбраны автором не случайно, самые важные из них – Бреславль, Краков, Новая Хута – представляют собой точки пересечения главных героев в прошлом (Бреславль – город, в котором родился Михаэль, и место, где Рената в детстве проводила свои летние каникулы) [13, с. 51], в настоящем (Краков – эпицентр событий, где исторические события переплетаются с событиями сегодняшнего дня) [13, с. 42–45], в возможном будущем (Новая Хута – новый город, не отягощенный грузом мрачного прошлого обоих государств) [13, с. 45].

Релевантность польского и немецкого языков, хотя этот вопрос относится к периферийным задачам исследования, нельзя недооценивать. Многочисленные примеры из текста рассказа [13, с. 34, 38, 58] иллюстрируют неразрывную связь языка и противочленов оппозиции «свой» vs. «чужой».

Рассказ Г. де Бройна заканчивается расставанием Ренаты и Михаэля, забвение прошлого невозможно, теперь и Михаэль признает это. Данное решение тяжело дается возлюбленным, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из текста рассказа: Eine grenzlose Traurigkeit hüllte mich ein und schnürte mir das Herz ab. In Minuten erträumten wir uns ein Glück, das es in Wirklichkeit nicht geben konnte. ... „Wir wollen alles, alles vergessen!“ sagte er. Da spürte ich plötzlich die Lücke. Aus Angst vor der Wahrheit versuchten wir krampfhaft, aus dem schönen Traum nicht zu erwachen. Vergessen wollten wir, aber wir konnten nicht vergessen; uns nicht und die Vergangenheit nicht und die Zukunft nicht [13, с. 66].

Казалось бы, динамические процессы в системе «свое» и «чужое» замирают и все приходит в прежнее состояние, но герои рассказа меняются, утрачивая часть «своего» и приобретая что-то от «чужого». Они расстаются, но хотят быть достойными друг друга: 1) Wir wollen versuchen, jetzt und das ganze Leben hindurch, des anderen würdig zu bleiben; 2) “Und deine Mutter?” fragte ich. „Und deine Schüler? Hast du unsere Gespräche nicht ernst genommen? Oder hast du Angst, dass, wenn du wieder zu Hause bist, unsere Begegnung sich als sinnlos erweist?“ [13, с. 66].

Автор рассказа не ставит точку в изложении событий: хотя Рената на следующее после расставания утро испытывает вместе с болью гордость от того, что все было сделано правильно, возможно, это не окончание истории взаимоотношений молодых людей. Следует помнить о существовании брата Михаэля, персонажа, который лишь косвенно упомянут в самом начале рассказа, брата, на свадьбу которого Михаэль и приехал в Польшу [13, с. 30]. Брат, оказывается, преодолел преграды между «своим» и «чужим» и нашел свое счастье в «чужой» Польше. Это обстоятельство дает возможность стимулировать читателя к построению предположений о возможных сценариях развития событий.

Таким образом, анализ рассказа «Рената» Г. де Бройна показывает, что противопоставление «свой» vs. «чужой» носит подвижный характер, что под равно значимым влиянием объективных (историческое прошлое, геополитические события, языковая политика) и субъективных (симпатии и антипатии) факторов возникают флуктуационные процессы на рассматриваемой оси оппозиций. Члены оппозиции «свой» vs. «чужой» не константны как в своем качественном, так и в количественном отношении: динамичная система позволяет выделить так называемые промежуточные элементы «свой чужой» и «чужой чужой».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрюхина Л.М., Фадеева Н.Ю. Креативные практики формирования межкультурной коммуникативной компетентности // Интеграция образования. Саранск: Научные исследования МГУ им. Н.П. Огарева. 2016 (Т. 20). № 3 (84). С. 320–330.
2. Барышников Н.В., Бернштейн В.Л. Формирование профессиональной коммуникативной межкультурной компетенции: обобщение опыта, поиск методических решений // Язык и культура: Научные исследования. Томский гос. ун-т. 2018. № 43. С. 136–147.
3. Белозерова А.А., Корнеева Л.И. Применение сценарной методики как средства учебного межкультурного иноязычного тренинга // Педагогическое образование в России. 2018. № 2. С. 74–79.
4. Бредихина И.А. Особенности структуры профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка // Педагогическое образование в России. 2015. № 9. С. 77–81.
5. Карабущенко Н.Б., Крузе Б.А., Жигалев Б.А. Лингвоинформационная подготовка будущего учителя иностранного языка // Язык и культура. Национальные исследования. Томский гос. ун-т. 2021. № 54. С. 167–189.
6. Корнеева А.В. Коммуникативное поведение и коммуникативное сознание как механизмы межкультурного взаимодействия // Вестник Новосибирск. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 4. С. 78–86.
7. Макаров В.Л., Гребенников В.Г., Дементьев В.Е., Устюжанина Е.В. Идеология и наука (по материалам обсуждения в ЦЭМИ РАН) // Российский экономический журнал. 2019. № 4. С. 55–68.
8. Мардахаев Л.В., Егорычев А.М., Варламова Е.Ю., Костина Е.А. Формирование лингвокультурной личности будущего педагога в образовательной среде вуза // Вестник Новосибирск. гос. пед. ун-та. 2018. Т. 8, № 4. С. 204–216.
9. Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253.
10. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московск. гос. гуманитар. ун-та. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–40.
11. Сысоев П.В. Пересматривая конструкт межкультурной компетенции: обучение межкультурному взаимодействию в условиях «диалога культур» и «не-диалога культур» // Язык и культура: научные исследования. Томск: Томский гос. ун-т. 2018. № 43. С. 261–281.
12. Хвесько Т.В., Басуева Н.Ю. Концептуально-категориальный подход к формированию компетенции межкультурного профессионального дискурса // Язык и культура. Национальные исследования. Томский гос. ун-т. 2018. № 42. С. 243–257.
13. de Bryn G. Renata // Рассказы писателей ГДР: книга для чтения на старших курсах (на немецком языке). Ленинград: Просвещение. 1970. С. 29–70.
14. Kimose S., Susmann W. Konzepte des Eigenen und des Fremden als Problem der Kulturologie // Das Eigene und das Fremde in der kulturellen Tradition Europas. Literatur, Sprache, Musik. Nischnij Nowgorod, 2000. S. 101–107.
15. Sukhina E. Die Gestalten des Fremdlings in der Lyrik von I. Bachmann // Вестник Московск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 118–126.
16. Sukhina E. Der lyrische Weg zwischen dem Eigenen und dem Fremden bei Franz Werfel // Вестник Московск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 135–145.

Поступила в редакцию 12.12.2022

Алексеева Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романо-германской филологии,
E-mail: margennal@yandex.ru

Фролова Вера Александровна, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романо-германской филологии,
E-mail: frvera@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева»
428000, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, 38

M.G. Alekseeva, V.A. Frolova

**DYNAMIC PROCESSES IN THE OPPOSITIONAL SYSTEM "FRIEND-FOE"
(BASED ON THE STORY OF GUNTHER DE BRUYNE "RENATA")**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-403-409

The article presents the results of a study of the relationship between the anti-members of opposition "friend-foe". The object of the study is the fundamental juxtaposition of intercultural communication "ours" vs. "theirs" ("we-they"/"native-alien"/"own-other") on the example of G. de Bruyne's story "Renata". Using the analysis of theoretical sources, the method of continuous sampling and linguistic analysis of contextual blocks of the story, an attempt is made to reveal the dynamic nature of the opposition "friend or foe", due to a number of objective and subjective factors. The study also proposes to introduce additional elements into the studied opposition that allow differentiating the actualization of the described opposition in a specific literary text.

Keywords: intercultural communication, dynamics in the opposition "friend-foe", Gunther de Bruyne's story "Renata".

REFERENCES

1. Andriukhina L.M., Fadeeva N.Yu. Kreativnyie praktiki formirovaniya mezhkulturnoy kommunikativnoy kompetentnosti [Creative practices of the formation of intercultural communicative competence] // Integratsiya obrazovaniya [Integration of education]. Saransk: Nauchnyie issledovaniya MGU im. N.P. Ogaryova [Scientific Research of the Ogarev MS University, 2016 (vol. 20), no. 3 (84), pp. 320–330. (In Russian).
2. Baryshnikov N.V., Bernstein V.L. Formirovanie professionalnoy kommunikativnoy mezhkulturnoy kompetentsii: obobshchenie opyta, poisk metodicheskikh resheniy [Formation of professional communicative intercultural competence: generalization of experience, search for methodological solutions] // Yazyk i kultura: Nauchnyie issledovaniya [Language and culture: Scientific research]. Tomsk State University, 2018, no. 43, pp. 136–147. (In Russian).
3. Belozerova A.A., Korneeva L.I. Primenenie stsennoy metodiki kak sredstva uchebnogo mezhkulturnogo inoyazychnogo treninga [Application of scenario methodology as a means of educational intercultural foreign language training] // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii [Pedagogical education in Russia], 2018, no. 2, pp. 74–79. (In Russian).
4. Bredikhina I.A. Osobennosti struktury professionalnoy kompetentnosti prepodavatelya inostrannogo yazyka [Features of the structure of professional competence of a foreign language teacher] // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii [Pedagogical education in Russia], 2015, no. 9, pp. 77–81. (In Russian).
5. Karabushchenko N.B., Kruse B.A., Zhigalyov B.A. Lingvoinformatsionnaya podgotovka buduschego uchitelya inostrannogo yazyka [Linguoinformational training of a future foreign language teacher] // Yazyk i kultura: Nauchnyie issledovaniya [Language and culture: Scientific research]. Tomsk State University, 2021, no. 54, pp. 167–189. (In Russian).
6. Korneeva A.V. Kommunikativnoe povedenie i kommunikativnoe soznanie kak mekhanizmy mezhkulturnogo vzaimodeystviya [Communicative behavior and communicative consciousness as mechanisms of intercultural interaction] // Vestnik Novosibirsk. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2017, no. 4 (vol. 15), pp. 78–86. (In Russian).
7. Makarov V.L., Grebennikov V.G., Dementiev V.E., Ustyuzhanina E.V. Ideologiya i nauka (po materialam ob-suzhdeniya v TSEMI RAN) [Ideology and science (based on the discussion materials in the CEMI RAS)] // Rossijskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal], 2019, no. 4, pp. 55–68. (In Russian).
8. Mardakhaev L.V., Egorychev A.M., Varlamova E.Yu., Kostina E.A. Formirovanie lingvokulturnoy lichnosti buduschego pedagoga v obrazovatelnoy srede vuza [Formation of the linguocultural personality of the future teacher in the educational environment of the university] // Vestnik Novosibirsk. gos. ped. un-ta [Bulletin of Novosibirsk. State Pedagogical University, 2018, no. 4 (vol. 8), pp. 204–216. (In Russian).
9. Oshchepkov A.R. Imagologiya [Imagology] // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye [Knowledge. Understanding. Ability], 2010, no. 1, pp. 251–253. (In Russian).
10. Papilova E.V. Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina [Imagology as a humanitarian discipline] // Vestnik Moskovsk. gos. gumanitar. un-ta: Philologicheskiye nauki [Bulletin of the Moscow State Humanity University: Philological sciences], 2011, no. 4, pp. 31–40. (In Russian).
11. Sysoev P.V. Peresmatrivaya konstrukt mezhkulturnoy kompetentsii: obuchenie mezhkulturnomu vzaimodeystviyu v usloviyakh "dialoga kultur" i "ne-dialoga kultur" [Revising the construct of intercultural competence: teaching intercultural interaction in the conditions of "dialogue of cultures" and "non-dialogue of cultures"] // Yazyk i kultura: Nauchnyie issledovaniya [Language and culture: Scientific research]. Tomsk State University, 2018, no. 43, pp. 261–281. (In Russian).
12. Khvesko T.V., Basueva N.Yu. Kontseptualno-kategorialnyy podhod k formirovaniyu kompetentsii mezhkulturnogo professionalnogo diskursa [Conceptual and categorical approach to the formation of competence of intercultural

- professional discourse] // *Yazyk i kultura: Nauchnyie issledovaniya* [Language and culture: Scientific research]. Tomsk State University, 2018, no. 42, pp. 243–257. (In Russian).
13. de Brian G. Renata [Renata] // *Rassказы pisateley GDR: kniga dlya chteniya na starshih kursah (na nemetskom yazyke)* [Stories of writers of the GDR: a book for reading in senior courses (in German)]. Leningrad: Prosvescheniye [Enlightenment], 1970, pp. 29–70. (In German).
  14. Kirnose S., Susmann W. Kontsepte des aigenen und des fremden als problem der kulturologie [Concepts of the own and the foreign as a problem of culturology] // *Das aigene und das fremde in der kulturellen traditsion oyropas. Literatur, shprahe, musik* [The own and the foreign in the cultural tradition of Europe. Literature, language, music]. Nizhny Novgorod, 2000, pp. 101–107. (In German).
  15. Sukhina E. Di geshtalten des fremdlings in der lyric fon I. Bahmann [Images of someone else in the lyrics of I. Bachmann] // *Vestnik Moscovskogo gos. un-ta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2012, no. 3, pp. 118–126. (In German).
  16. Sukhina E. Der lyrische veg tsvishen dem aigenen und dem fremden by Frants Verfel [The lyrical path between one's own and a stranger by Franz Werfel] // *Vestnik Moscovskogo gos. un-ta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2015, no. 1, pp. 135–145. (In German).

Received 12.12.2022

Alekseeva M.G., Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Roman and German Philology
E-mail: margennal@yandex.ru

Frolova Vera Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Roman and German Philology
E-mail: frvera@yandex.ru

I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
Karla Marksa st., 38, Cheboksary, Chuvash Republic, Russia, 428000